

Таланты и поклонники

27 марта 2003 года - 90 лет со дня рождения Александра Яшина

Вадим КАПЛИН. Фото из архива автора

Сосенка с Бобришного

Сосенка - этакий маленький зеленый ежик - стояла на подоконнике больничной палаты. Она была посажена в мшистую землю, в баночку, напомилавшую фонарик с новогодней елки. В этой же баночке уместился и кустик брусники с маленькими, вечнозелеными листочками, и, что удивительно, брусника цвела.

Стволик у сосенки был тонок - толщиной с карандаш. На нежных, малюсеньких веточках ершились зеленоватосизые длинные иголки. Эту лесную красавицу друзья Яшина выкопали на его Бобришном Угоре, привезли в Москву, принесли в клинику. Обрадовался Александр Яковлевич лесной гостье, этому подарку друзей, их вниманию и теплоте, наверное, больше, чем если бы они подарили ему букет самых дорогих и ярких тепличных цветов.

В те дни писателю было очень тяжело и трудно. Это мы с его очень близким другом Николаем Михайловичем Ворониным (одним из лучших никольских председателей колхозов) поняли сразу, как только зашли в палату. Перенеся несколько сложных операций, предчувствуя неизвестность исхода болезни, он тяжело переживал случившееся, но не паниковал, стойко переносил страдания. Так мог только сильный, мужественный человек. Бледное лицо Александра Яковлевича казалось еще строже, обострились очертания скул. И хотя глаза были грустными, в них - все тот же пронизывающий насквозь взгляд... И только тихий говорок писателя, его манера общения с близкими, доверительность и искренность были такими же, как и прежде.

Конечно, находясь на больничной койке, Александр Яковлевич думал, наблюдал, мечтал. Вряд ли даже очень чувствительный человек, каким он был, здесь, в палате, мог ощущать аромат лесного бальзама - фитонцидов, озона, которые источала лесная гостья на окне: слишком крохотна и мала она была. К тому же их заглушали запахи

лекарств. Но сосенка напоминала Александру Яковлевичу о его Бобришном, близких, друзьях и товарищах. Воображение рисовало ему самые дорогие, любимые сердцу места: потаенные уголки Чистого бора, Бобрихи, Рябинового мыса, лесной речки Куденги, мест, которые лучше его, наверное, никто и не знал.



Охотники на привале. Александр Яшин (справа) и Вадим Каплин.

Охота - страсть, увлечение писателя. В то же время он был самозабвенно влюблен в природу, прекрасно ее знал, как знал постоянных обитателей лесов. На Бобришном всех раньше просыпалась (впрочем, наверное, как и везде) маленькая, с воробушка, зарянка - серовато-бурая птаха с оранжевой грудкой. Проснется ни свет ни заря, усядется на верхний султанчик самой высокой елки и сыплет и сыплет свои звонкие трели. Потом и зяблики запоют, дрозды заквохчут, синицы затенькают. Еще кусты ивняка с желтыми и серебристыми атласными барашками стояли по колено в воде, а болотная камышовка

заливалась песнями. Они у нее звонкие и длинные.

А лесные кулики-вальдшнепы, думал поэт, наверное, и сейчас тянут над зелеными опушками на вечерних зорях, прихватывая и светлые июньские белые ночи. И удивительная варякушка - птичка-пересмешка - с ярко-синим горлышком и такой же грудкой распевает, подражая пению других мелких птах - чечевицы, куликов, юлы - лесного жаворонка.

О чем мы говорили с писателем? Сейчас точно и не помню. Столько лет прошло. Хотя и так ясно, о чем говорят с тяжелобольным человеком. Конечно же, старались его успокоить, поверить в свои силы, в свое выздоровление, надеялись на скорую встречу на Бобришном Угоре.

Сестричка в белоснежном халатике, стоявшая в сторонке, незаметно для больного показала нам на часики.

Николай Михайлович поставил на столик банку деревенского никольского пива, я - банку свежего цветочного меда. Попрощались и ушли, не подозревая, что это была наша последняя встреча, наш последний разговор. Недели через две в Москву приехали снова. Тяжело и горько было

осознавать случившееся.

На серебристом ЛИ-2 вместе с гробом Александра Яковлевича летели на его родину. Когда пролетали под Вологодой, сияла разноцветная радуга. Из Блуднова до Бобришного гроб с телом писателя несли на расшитых домотканых полотенцах его односельчане. Дорога шла через ржаное поле. Рожь уже седела, и ее увесистые колосья так же, как и васильки - синие глаза лета, - никли к земле, провожая Александра Яковлевича в последний его земной путь. Он ушел, но оставил о себе добрую память: свои стихи, очерки, повести и рассказы, свой Бобришный Угор.